

Разрешение **ЖИТЬ**

ДАНИЛОВ
МУЖСКОЙ
МОНАСТЫРЬ

Разрешение жить

«Данилов мужской монастырь»

2018

УДК 271.2
ББК 86.372

Разрешение жить / «Данилов мужской монастырь», 2018

ISBN 978-5-89101-677-4

Книга «Разрешение жить» представляет собой сборник рассказов и публицистических статей, посвященных теме сохранения жизни в материнской утробе. Работая над содержанием, издатели имели намерение убедить своего читателя относиться к нерожденному ребенку как к человеку, вдохновить не бояться трудностей. Герои книги – обычные люди, но они достойны того, чтобы стать примерами для подражания. В книге собраны правдивые жизненные истории, описанные православными писателями; приведены размышления и исследования священников, врачей и общественных деятелей; дана справочная информация о центрах защиты материнства, где могут помочь принять правильное решение – позволить новому человеку увидеть этот мир; а также молитвы для тех, кто раскаивается в грехе детоубийства.

УДК 271.2
ББК 86.372

ISBN 978-5-89101-677-4

, 2018

© Данилов мужской монастырь, 2018

Содержание

Жизнь как Божий дар	6
Часть первая	8
Елена Есаулова	8
Где ты, Леша?	8
Жизнь за жизнь	10
Двойная радость	13
Мирослав Бакулин	17
Анна	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Разрешение жить

Редактор-составитель Е. Орлова

ДОПУЩЕНО К РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИЗДАТЕЛЬСКИМ СОВЕТОМ РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ИС Р18-717-0653

Данилов
мужской монастырь

Благодарим Попечительский совет издательских программ Данилова ставропигиального мужского монастыря Москвы за помощь в издании книги.

В книге использованы материалы информационных ресурсов:

- сайта Патриаршей комиссии по вопросам защиты семьи, материнства и детства, pk-semia.ru;
- православного портала о благотворительности «Милосердие. ру», miloserdie.ru;
- интернет-журнала «Прихожанин» Данилова ставропигиального мужского монастыря Москвы, prihozhanin.msdm.ru.

Жизнь как Божий дар Вместо предисловия

«Признавая непреходящее значение и высокую ценность жизни как Божиего дара, Церковь неустанно призывает власть и общество к возвращению к нравственному установлению, исключающему возможность лишения жизни нерожденных младенцев. Это не революционное изменение, а возвращение к норме жизни, без которой немыслимо счастье женщин и мужчин, невозможно будущее нашего народа. Жизнь, сохраняемая в материнской утробе, не может быть препятствием к чьему либо материальному благополучию, – это фантом, это миф. Собственно, здесь определяющую роль играет понимание человеком самого благополучия. Но сегодня в жизни нашего общества, увы, действует циничный принцип: ради личного благополучия многие люди жертвуют жизнями своих потомков.

Мне приходилось неоднократно поднимать данный вопрос на самых разных государственных уровнях и, слава Богу, мы наблюдаем определенный прогресс. Однако, продолжая получать тысячи писем от верующих с просьбой призвать власти к решению проблемы абортов, прошу вас не оставлять усилий по поэтапному преодолению этого страшного явления.

Многие эксперты сходятся во мнении, что одной из причин демографических проблем в нашей стране является экономический фактор, несогласованность системы социального обеспечения. Полагаю, нам всем, обществу и властям, необходимо сообща вырабатывать целый комплекс мер поддержки материнства и детства, найти новые механизмы, содействующие сохранению зачатой жизни.

Разумеется, жизнь ребенка ценна не только в материнской утробе. Огромную важность имеет вопрос повышения уровня доступности образовательных учреждений и организации образовательного процесса, и не только в рамках программы средней школы. Я вспоминаю то время, когда в стране были бесплатные кружки, спортивные секции, которые отвлекали детей и молодежь от дурных поступков на улице, от влияния неблагоприятной среды. Нам нужно делать все более и более доступной внеурочную занятость наших детей.

Создание условий для уменьшения количества абортов предполагает поощрение многодетности, в том числе материальными средствами. В прошлом году претерпела изменения система взимания налога на имущество физических лиц. Действующей редакцией Налогового кодекса установлено 15 категорий граждан, освобождаемых от уплаты налога на недвижимость. Многодетным семьям, к сожалению, не нашлось места среди льготных категорий. Мне известно, что на местном уровне органы власти могут установить льготу по этому налогу для многодетных, но этим правом воспользовались всего лишь несколько регионов. Укрепление семей, в том числе материальное, – это общенациональная задача, и поэтому я призываю пересмотреть список льготных категорий граждан на уровне федерального закона, добавив туда многодетные семьи с невысоким достатком.»

**Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл Из доклада на V Рождественских Парламентских встречах
26 января 2017 года**

Часть первая **Пока еще есть время...**

Елена Есаулова

Где ты, Леша?

Надя стояла на балконе девятого этажа, выкуривая традиционную утреннюю сигарету, и безучастно глядела, как просыпается пыльный летний город. На балконном бортике, рядом с баночкой, приспособленной под окурки, лежала узкая полоска бумаги, перечеркнутая двумя параллельными отрезками красного цвета. Каждый раз, стряхивая в банку столбик пепла, девушка поглядывала на нее с отвращением.

– Вот же я лох, – нервно шептала она, – да за что ж мне это? Только тебя мне сейчас не хватало! Бесплатно уже никто ничего не сделает – срок большой, значит, прощай, заначка.

25-летняя девушка, приехавшая в большой город из маленькой деревни несколько лет назад, изо всех сил старалась выжить в мегаполисе. Надежда снимала крохотную однушку на окраине, днем работала официанткой в кафе, а по вечерам мыла полы в двух офисах, откладывая каждую копейку, чтобы оплатить очередной семестр заочки в институте. Нежданная беременность не входила в ее планы. С молодым человеком они рассталась два месяца назад, родных у нее почти что не было. В родном селе жила только тетка, но она не в счет. Под старость лет, по разумению Нади, старшая сестра мамы-покойницы совсем «съехала», ударились в религию: зачастила в церковь и наводнила всю избу иконами. Дважды в год тетка прибывала к Наде, нагруженная гостинцами. В извечном черном платке и в длинной юбке, она недовольно шуршала по дому, вытирала пыль, попутно «выносила» племяннице мозг с помощью страшных про грехи и небесные кары.

– Пропавшая ты душа, Надька, – ворчала тетушка. – В блуде живешь, Бога не чтишь. Куда это годится?

«Пропаганду» девушка терпела ровно десять минут, потом кричала, что на дворе двадцать первый век, так что верить в чепуху глупо, и сбегала из квартиры как бы по делам. Но тетка – кремень – не отступала. В последний приезд она оставила Наде маленькую икону, строго пояснив, что на иконе изображена Божия Мать с Младенцем Иисусом. А рядом положила бумажку с молитвой, выведенной дрожащим старушечьим почерком. Надя клочок вышвырнула сразу после отбытия тетки в село. Хотела было выбросить в мусор и предмет культа, но грустная Женщина с Ребенком на иконе показались ей такими светлыми, что девушка не решилась отправить образ в корзину.

...Загасив сигарету, Надя тяжело вздохнула и начала жать кнопки мобильного, набирая телефон медцентра, где помогали решать проблемы «двух красных полосок». Приятный женский голос заверил, что Надю в ближайшее время готовы принять опытные медики, которые в бархатных условиях сделают все быстро и безболезненно.

– С собой что-то брать? – уточнила девушка. – Только хорошее настроение и наличные, – со смехом посоветовала администратор.

Преодолевая ступор и стараясь не обращать внимания на невесть откуда взявшуюся душевную боль, она быстро собралась. Бросив в сумку телефон, кошелек и накинув любимую черную куртку, купленную в дорогом магазине, Надежда метнулась к выходу, как вдруг за спиной раздался легкий звук упавшего предмета. Деревянная иконка, стоявшая на полке шкафа, свалилась на пол. Недовольная Надя вернулась, чтобы поставить предмет на место, и зачем-то задержала взгляд на лице Мамы Бога.

– Что глядишь? – обратилась она к Той, Которую считала мифом. – Помоги лучше как-нибудь! Тетка говорила, можешь...

Не веря, что она произносит этот бред, Надя тряхнула головой, вышла из квартиры, быстро заперла дверь и почти бегом двинулась к трамвайной остановке, где переминались с ноги на ногу две женщины в ожидании транспорта.

...Днем раньше, ближе к вечеру, в квартире другой многоэтажки этого же пыльного города бывший фармацевт Татьяна Васильевна спешила с ужином, ожидая с работы сына Лешу. По ее прикидкам он должен был прийти домой через час, за ним следом ожидалась невестка Галя, навестить бабушку после тренировки по футболу собирались их дети Игорь и Егорка.

В свои 68 лет Татьяна Васильевна имела крепкое здоровье – успевала все делать по хозяйству и держала квартиру в чистоте и порядке. Она принялась аккуратно вымешивать в миске фарш для голубцов: добавила в мясо тщательно нарезанную луковицу, вбила яйцо. Затем обеспокоенно взглянула на часы – стрелки приближались к шести вечера. Торопливо вынув из шкафа светлую льняную скатерть, она застелила ею круглый кухонный стол. Затем

начала резать алые ташкентские помидоры, ссыпая сочные куски томатов в хрустальный вместительный салатник.

Наконец-то раздался звонок в дверь. Женщина кинулась открывать. Но это была всего лишь соседка.

– Лялочка, так это Вы? Проходите, пожалуйста, – разочарованно промолвила Татьяна Васильевна. – А я вот Лешу моего с работы жду, волнуясь, где же он. И Гали что-то нет, и внуков. Они у меня молодцы такие, старший вот недавно выиграл олимпиаду по математике. Наверное, планы у моих изменились, а предупредить меня, как всегда, все забыли.

Молодая женщина участливо посмотрела на Татьяну Васильевну и прошла в комнату.

– Я Вам, тетя Тань, лекарства от давления принесла, – выкладывая аптечный пакетик из сумки, сообщила Ляля. – Что ты, Лялочка, Леша мне все купил уже, не стоило тратиться, – отмахнулась пенсионерка. – Только вот не идет он что-то, боюсь, не случилось ли чего? Что ж, буду ждать, а что мне остается делать.

Неловко улыбаясь, соседка попрощалась с пенсионеркой и поспешно ушла. Татьяна Васильевна уселась в кресло у окна и, отодвинув штору, с тревогой стала вглядываться в даль.

...На следующее утро соседка Ляля вместе с подругой Машей отправились на утреннюю службу в небольшую церковь. Дождавшись трамвая, они вошли в раскрывшиеся двери и нацелились на уютное сидение в центре салона. Но наперерез им метнулась молодая брюнетка в черной куртке, украшенной вычурными стразами. Женщины сели за девушкой и завели обычный разговор обо всем на свете.

– Кстати, Маш, помнишь тетя Таню? – спросила Ляля.

– Эту из 58-й, подружку твоей мамы, что ли? Видную такую, с дворянской осанкой?

Ляля кивнула.

– Совсем беда с ней, – посетовала она. – Два раза в неделю ждет сына Лешу, готовит ужин, никто к ней не приходит. Еда пропадает, я прихожу, выбрасываю... – Так ты позвони этому Леше-то, голову пролечи, – возмутилась Маша. – Да нет никакого Леша на самом деле, Марусь, – грустно сказала Ляля. – Как нет? А где же он? – недоуменно уставилась на нее подруга. – А нигде. Татьяна Васильевна в молодости сделала один единственный аборт. Она тогда медучилище оканчивала, муж дипломную писал, хотели доучиться, на ноги встать, думали, ребенка позже заведут. А позже ничего не получилось. Лечились, на всякие воды ездили, даже к колдунам ходили. Муж ее начал пить, с работы выгнали, в итоге его, пьяного, машина сбила. Вроде она крепилась, держалась. Как на пенсию вышла, начала Лешу ждать.

Подруги почти одновременно вздохнули и замолчали. Трамвай приплыл к остановке, дверь со скрежетом открылась. Сидящая впереди девушка в куртке со стразами вдруг бросилась к выходу и почти на ходу выскочила из трамвая.

Через минуту в платном медцентре раздался телефонный звонок.

– Надежду Ковалевскую, что на аборт записалась, вычеркивай, она передумала, – крикнула медсестре хорошенькая администратор, похожая на куклу Барби.

Жизнь за жизнь

Нежная зеленая листва золотилась на майском солнышке. После прошедшего дождика в воздухе разливался тонкий аромат черемухи. Аля сделала несколько шагов на проезжую часть, чтобы посмотреть, не приближается ли к остановке нужный ей автобус, и – оп! – через секунду оказалась с ног до головы в грязи. Ее новое болоньевое пальто, на которое копила три месяца, окатила светлая иномарка – водитель решил не объезжать лужу. Кипя от возмущения, Аля отступила на тротуар и начала рыться в своей большой сумке в поисках платка, чтобы хоть как-то привести одежду в порядок.

Все ее планы, ради которых был слезно выпрошен у начальства однодневный отпуск, рухнули. Ехать в грязном пальто в медицинский центр было невозможно, ее бы просто не приняли. Добраться до дома, стоящего на отшибе, вдали от транспорта и цивилизации, и вновь вернуться на остановку получилось бы как минимум за час. Плюс путь до больницы. А в медцентре предупредили, что график у расписанного доктора плотный – всё расписано на месяц вперед.

«Вот всегда у меня так! – подвела итог расчетам женщина. – Может быть, у врача найдется время попозже, может, кто откажется от приема?» – думала она. Но мобильный телефон, заряд которого показывал всего одно деление, пискнул и погас, убив последнюю надежду.

Аля в бессилии рухнула на скамейку, раздраженно бросив рядом сумку, в которой что-то жалобно звякнуло. Недоумевая, женщина нырнула рукой в угол сумки и вытянула небольшой пакетик с жестяной баночкой дорогого зеленого чая внутри и красивой подарочной кружкой.

«Это ж подарок бабе Нюре на 9-е мая», – со стыдом вспомнила Аля. Подруга Алиной бабушки фронтовичка Анна Михайловна была Але почти что родной, хотя виделись они нечасто.

«Уже май на исходе, а я так и не дошла до нее. А ведь она тут рядом живет, через два дома от остановки, – осенило Алю. – Зайду, поздравлю с Днем Победы, заодно позвоню в медцентр от нее».

Аля взбодрилась и решительно зашагала в сторону девятиэтажки из красного кирпича. По пути зашла в ларек, взяла «Птичку» – любимые баб Нюрины конфетки – и уже через 5 минут жала на кнопки домофона, набирая номер нужной квартиры.

Анна Михайловна и Алиная бабушка Полина Ивановна были родом из одной деревни Петряшки. В суровом 41-м обе сибирячки рвались на фронт, но Полина не прошла медкомиссию, а Анна несколько лет воевала, была санинструктором, даже дошла до Венгрии. После войны подруги вместе работали в колхозе телятницами, поднимали детей, растили внуков, а в редкие свободные вечера чаевничали у самовара. Полины Ивановны пять лет назад не стало, а вот Анна Михайловна, крепкая телом и духом, дожила до 89 лет и, судя по всему, на тот свет пока не собиралась.

– Каво надо? – суровый бас баб Нюры из динамика заставил Алю улыбнуться.

– Это я, баб Нюр, Алька Хазарина.

– Алевтинка? Вот молодец! – обрадованно охнула бабуля. – Открывай и поднимайся в мои хоромы.

В просторной однушке на 6-м этаже пахло пирогами, царили чистота и порядок.

– Ишь ты, мои любимые взяла, а у меня как раз шаньги, – обрадовалась баба Нюра конфетам, вежливо кивнула подаркам и потянула Алю на кухню. Увидев грязное пальто гостьи и услышав грустный рассказ, заругалась на водителя:

– Вот, ирод, ни стыда ни совести, пальтейку всю извозил, давай-ка в машину положим, все быстро отойдет.

Старушка стянула с Али пальто и поковыляла в ванную, приговаривая:

– У меня ж, Алька, машина стиральна нова, така красота! Автомат! Сама стирает, сама полоскат, сушит, не то что мы с твоей бабкой на доске руки сбивали, в котле кипятили, на речке полоскали. Зимой-то в проруби руки немели, жуть! Собес выделил к юбилею Победы стиралочку. Не обижает нас государство, да. А Вы-то как? Мать, Толик, Танечка? Алька, слышь-ка?

Аля сидела на кухне бабы Нюры обессиленная и не могла вымолвить ни слова. Со стены напротив на нее с плаката календаря взирала Богородица.

– Аль, да ты чё? – баб Нюра обеспокоенно теребила гостью за плечо. – Плохо? Валерьянки накапать?

– Да нормально всё, баб Нюр, – встряхнулась Аля. – Чаю бы я выпила покрепче.

Бабуся засуетилась, доставая кружки и сладости, не прекращая расспросы:

– А чё смурная такая? Бледная чё? Чё к врачам собралась? Зуб болит?

– Да не зуб, баб Нюр, – отрешенно ответила Алевтина, стараясь не смотреть в глаза хозяйке. – Случилась тут проблемка у меня, решать надо, а то поздно будет.

Сметливая бабушка сразу поняла, о чем речь, и рухнула на табурет.

– Значит, убийство задумала ты, Алька, – сухо промолвила она. – Родное дитя убить хочешь. Анатолий-то знает?

– Да Тольке моему ничего, кроме гаража и пива, не нужно, не кормилец он, не добытчик, – глотая слезы, ответила Алька. – Танечка школу заканчивает, поступать ей надо, вещи хорошие нужны. А мне 43 уже, 43! Понимаешь, баб Нюр? Стара я рожать. Как я доношу-то? Жить как будем? Денег мало, туалет у нас на улице, дом ветхий...

– Ну, валяй, одно дитя режь, чтоб другому золотые платья носить, – дрожащим от гнева голосом басила бабка. – Ой, была б жива Полинка, вот всыпала бы она тебе! Да что ж вы за бабы такие! Сейчас и оплаты за деток дают, и декреты, и врачи за ними смотрят, только рожай, а они не могут. Кормильца, вишь, нет! У меня-то ни кормильца, ни поильца не было!.. Рожай, Алька, зараза, не гневи Бога!

На этих словах баб Нюра припечатала ладонью по столу так, что кружки подпрыгнули. Аля закрыла лицо ладонями и уже не ревела, а только тихо подвывала. В глубине души она сознавала правоту бабы Нюры, но ее душу сковывал леденящий страх перед будущим.

– Эх, ты, глупая ты, дурочка, – сменила гнев на милость Анна Михайловна, погладив Алю по плечу. – Вот ты меня послушай и увидишь, всё хорошо будет.

– Откуда Вы-то знаете, – с тоской сказала Аля. – Что будет хорошего с моим мужиком непутевым? Ни чувств, ни зарплаты с моим Толькой. Ваш-то муж вон был героем, любил, на руках носил, сами говорили. И Ольга у Вас потому такая счастливая получилась, что дитя любви. И муж у нее хороший, и сыновья успешные, внуки – отличницы.

– Да мало ли, что я там плела, – усмехнулась баба Нюра. – Никому не сказывала еще, а тебе скажу по такому случаю, может, от беды сберегу. Может, передумаешь дитя родное жизни лишать.

Вовку-то, Ольгиного родителя, я и не знала почти что. И любви никакой у нас не было. Он не нравился мне, рыжий, болтун, охальник, грубиян. Один разок всего уговорил меня погулять с ним. Зачем я пошла, сама не знаю. Пожалела, видно, дурака. А он и насильничал. Я проревела до утра, злилась, думала командиру рассказать. А утром атака, бой. От нашего батальона половина осталась. Я раненых вытаскивала. Володьку тоже ранило. Я к нему, думаю, вытасю тебя, гада, всё же ты наш, русский. В живот его ранило. Он только и успел просипеть: «Прости меня, Нюра. Живи за меня». И преставился.

Аля смотрела на бабу Нюру ошарашенная, по лицам обеих женщин текли слезы.

– Как поняла, что тяжелая, от дитя избавиться хотела, – рассказывала баба Нюра. – Обидно было: от насильника же, против воли. Думала: как матери скажу? Шибко жалела я себя. На то дело у нас в санбате была одна бабонька, помогала. Так. Решилась, а накануне мне сон был. Снится, что еду в поезде, да не одна, а с девочкой, годика три ей. А девочка та плачет и плачет, а мне ее и вроде не жалко будто, она будто и не моя. Напротив нас в вагоне сидит Женщина в платке, в платье длинном с Дитем на руках. Красивая, добрая, но строго-строго на меня смотрит. И берет она девочку за руку и говорит ей: «Оленька, не бойся». А потом на меня строго глядит и приказывает: «Что задумала – брось, не делай». Встала и пошла в конец вагона. А я опять смотрю на девочку, и так стало жалко мне ее, сердце рвется. Я ее прижала, поцеловала, тут и сон кончился. Проснулась, подушка от слез мокрая. Поняла, что ничего делать не буду, рожу дитя. Будь что будет. Володькиной жизни нету, какой он ни был, а пусть ребёнок за него живет. Жизнь за жизнь. А потом пошла я к командиру Иван Якимовичу, так и так, говорю, хотели пожениться, не успели, теперь вот живот у меня. Он, понятно, покричал несильно. И отправил домой. Мать-то, когда я с пузом прибыла, не ругала, а будто порадовалась. Потому,

что на брата моего мы тогда уж похоронку получили. Ну, Ольга родилась, бойкая, крикливая, умненькая. Я так счастлива была потом, что не сделала зла ей. А уж потом, как стала в церковь ходить, увидела ту Женщину из поезда, из сна. Богородица это была, Царица Небесная.

Баба Нюра перекрестилась дрожащей старческой рукой. Еще минуту хозяйка и гостя молчали.

– Пальто-то твое выстиралось, поди, Аля, – тихо промолвила бабушка. Она дошла до ванной тяжелой походкой, вынула из машинки и встряхнула пальто, вручила его владелице. От грязи не осталось и следа.

– Вот бы душу так можно постирать, – ухмыльнулась гостя, обуваясь у порога.

– Алька, что задумала, не делай, – уже у двери баба Нюра крепко обняла Алевтину и перекрестила ее.

* * *

Осенний дождь с ветром безжалостно сбивал золотые листья на грязный асфальт. Аля сделала несколько шагов на проезжую часть, чтобы посмотреть, не приближается ли к остановке нужный автобус, и вздрогнула – прямо около нее резко затормозил светло серый джип. Дверца распахнулась.

– Алька, прыгай, довезу, нечего по автобусам телепаться, – за рулем сидел улыбчивый рыжеволосый мужчина, внук бабы Нюры.

– Неудобно, Дим, я вон как баржа, – застеснялась Алевтина, забираясь на переднее сиденье.

– Тогда поплывем, – пошутил в ответ земляк. – Куда везти? Ты же в центре вроде работаешь?

– Да меня в поликлинику, на консультацию, я же уже в декретный пошла, через месяц рожать.

– Слышал, пацана ждете, поздравляю, вот вы молодцы с супругом, – разговорчивый Димка надавил на педаль газа и сразу зарядил болтать. – Таня ваша уедет поступать, вам нескучно будет. А я свою-то тоже уговариваю, давай мол, еще пацана родим, девки-то уже большие, мне теперь пацан нужен. Знаю, ветхий барак ваш снесли, хату дали новую. Анатолий, я слышал, вторую работу ищет, я у себя на стройке могу спросить, нам электрики на подряд нужны.

– Спроси, Дим, спроси, – вклинилась Аля. – А баб Нюра-то как?

– Ха! – рассмеялся Дима, – вообще молодцом она. Да у нас тут такое! «Жди меня» отдыхает! Я по интернету родных деда Володи нашел, списался с ними. Они ж пожениться с бабкой-то моей не успели, убило его. Так вот его младшие сестры нашлись, они живы, у них дети, внуки. Как узнали, что у их брата дочь была, что было! Звонили, радовались, плакали, что, мол, раньше не нашлись. А мы-то думали, у деда не было никого. Теперь едем все в Курскую область, баб Нюру возем, мать мою Ольгу. Такие дела. Бабусе привет передам обязательно! Пока, Аль, на Крестины зови.

Двойная радость

– Да иди ты! – крикнула Валя в трубку так, что стоящая рядом бабулька с рюкзаком вздрогнула, – не хочу я, ну, мам!

– Валька, не дури, езжай, – визжал старый мобильник материным голосом. – Тётя Нина и билет ей оплатила, и встретит, и приветит, всё устроит, а она, видите ли, не хочет, цаца какая!!! Скоро практика, потом место в кафе, я еле договорилась, чтобы тебя взяли, а она не хочет, зараза. А не сделаешь – и не заявляйся, не пушу домой, уяснила?

Валя в бессилии отжала кнопку вызова и сунула телефон в карман. До отхода поезда оставались минуты, но она все медлила, стоя у вагона.

– Так чё, девушка, ехать будем или как? – буркнула толстая проводница недовольно.

Валя обреченно сунула ей билет и вошла в вагон. Добрела до плацкартной полки, скинула куртку и шапку и, даже не взяв бельё, улеглась и отвернулась к стене.

«Как же может быть так плохо?» – размышляла она с каким-то отстраненным удивлением. Больше всего на свете ей сейчас хотелось отключить мозг и не думать, что ей предстоит совершить в городе, куда поезд доедет через сутки. Мысли бились в голове испуганными птицами, сердце ныло и болело. Всего полгода назад ей казалось, что в её монотонной жизни наконец всё наладилось, а теперь...

...Валька всегда считала себя человеком средним, а иногда и минусовым, никаким.

– Ни внешности, ни способностей, – в сердцах криком резала мать, расписываясь за тройки в дневнике, когда Валька учились в началке. Внутри у девочки всё сжималось от обиды, она злилась и тихо плакала в своём углу.

Кричать мать умела хорошо. Могла и по затылку залепить, и швырнуть тяжелым – только успевай уворачиваться, поэтому Валька старалась не отсвечивать и мать не гневить. После приступа гнева мама плакала, просила прощения, кляла отца, ушедшего ещё до рождения Вальки, и становилась такой жалкой и несчастной, что дочь сразу прощала её. Но постепенно она сама начала верить в материны злые вердикты.

– Нос – кнопка какая-то, волосы – серые, как пыль, рост низкий, – бормотала девочка в 14 лет, стоя у зеркала и ненавидя себя. – Ни шмоток, ни увлечений. Подруга, и то одна.

После школы Валька поступила в пищевой техникум, училась средне, хотя старалась. Когда на неё обратил внимание молодой человек, счастьем не было предела. Невзрачной внешности долговязый солдат-срочник по имени Костя случайно встретился Вале в автобусе. Он спросил у неё время, она, удивляясь своей храбрости, предложила ему пирожки, приготовленные на уроке в училище. Он похвалил. Впервые в жизни она кому-то понравилась, кто-то интересовался её жизнью, хотел общаться, водил в кино... Словом, она влюбилась без памяти, а он, после нескольких свиданий на квартире у друзей, вдруг стал недоступен. К кошмару отвержения добавился ужас от увиденных двух полосок на тесте. Гинеколог в поликлинике сказала, мол, аборт делать поздно, и велела вставать на учёт.

Валька метнулась к маме, та даже орать не стала, быстро нашла выход. Подруга-гинеколог из другого города пообещала помочь решить проблему бесплатно, по старой дружбе.

– Сессия сдана, каникулы у тебя, как раз успеем управиться – деловито сказала мать, тоном будничным, будто речь шла о ремонте кухни. До последнего момента Валя была уверена: аборт нужен. Но однажды, идя из магазина, она увидела плакат на заборе – разрезанное ножницами фото ребёнка и надпись: «Аборт – это убийство».

Осознание задуманного навалилось на неё цементной плитой: «Мы все возьмем его и разрежем – я, мать и тётка Нинка – и спокойно станем жить дальше? Может, оставить?..»

В момент, когда девушка подумала об этом, в её душе будто маленькая свечка зажглась, свет которой растворил чёрную тоску. Она представила беспомощного малыша, который только от неё, Вальки, зависит и уже её любит.

Заикнулась матери, мол, может, не надо, та едва не пришибла.

И вот, Валька лежит теперь на нижней полке, едет на убийство и пытается расслабиться. Чувствуя себя загнанной в угол, повторяя про себя одно: «Кто-нибудь, помоги!». Измученная нервным напряжением, она забылась под стук колес.

– Ну-ка тихо, куклы, человек спит, – проснулась Валя от возни и громкого шепота и приоткрыла глаза.

Рыжеволосая женщина с копной непослушных кудрей, с такими же рыжими девчонками-близнецами устраивались на соседней полке. Девчонки с хитрыми лисьими личиками снимали рюкзаки, толкаясь и хихикая.

– Мам, мы наверх полезем, – нараспев заканючили они.

– Быстро и чтоб тишина там была! – пытаюсь говорить строго, попутчица не могла сдерживать улыбки.

Лисички ловко вскарабкались на верхние полки, не переставая хихикать и переговариваться.

– Разбудили Вас, – открыто улыбнулась она Вале. – Меня Кирой звать, а это мои Лика и Вика.

Лисички наверху приснули.

– Валя, – представилась девушка. Впервые за несколько недель смогла улыбнуться.

Они разговорились с Кирой за чаем, когда девочки уgomонились и уснули на верхних полках. Не в силах больше терпеть внутреннее отчаяние, Валя, утирая слёзы, излила собеседнице душу, рассказав всё – и про беременность, и про Костика-предателя, про мать и про тётю Нину.

– А ты, наверное, счастлива замужем? – спросила Валя у Киры, перестав всхлипывать. – Такая красивая, как ты, не может быть несчастливой...

«Было тяжело идти против всех»

– Счастлива? – помолчав, переспросила та, откинув непослушную кудрявую прядь с лица. – Знаешь, я забеременела в 15 лет... От насильника. Шла после школы поздно домой по парку, папа не смог встретить. Была зима. Меня ударили по голове, затащили в машину, я отключалась, а когда приходила в сознание, чувствовала только боль. Это был взрослый трезвый мужчина. Очнулась лежащей на снегу, в мыслях – страх, что узнают родители. Они очень строгие люди, научные работники. Я пыталась встать, потом отключилась снова, очнувшись уже в больнице, в реанимации. Уже потом поняла, что мне несказанно повезло – насильник не убил меня. Был шок от позора, от того, что все всё знают. Слёзы, истерики, успокаивающие уколы.... Насильника не нашли, а через какое-то время мне и моим родителям сообщили о беременности.

УЗИ показало близнецов. Нет слов, чтобы описать шок – мой и моих родителей. Увидев на мониторе расплывчатые силуэты, я желала только одного – чтобы они исчезли, растворились. А потом вдруг поняла, что не буду убивать.

Кира говорила спокойно, почти без эмоций.

– Мою идею оставить детей не поддерживал никто, да я и сама порой сомневалась, пока они не начали шевелиться в животе... Было тяжело идти против всех... Но меня поддерживала мысль, что я отстаиваю право своих детей жить.

– А потом? – спросила Валя тихо.

– Потом тоже было сложно, – ответила Кира. – Я попала в подростковый реабилитационный центр, мои родители развелись. Но ни разу я не пожалела о том, что не сделала аборт. И я не представляю себя без моих дочек. Они моя двойная радость, моё счастье. Из роддома меня встретил мой отец, он поддержал меня тогда и помогает до сих пор. Из-за рождения детей я рано повзрослела. Но зато получила два высших образования, сейчас консультирую семьи и женщин, собирающихся делать аборт. И каждый раз, когда удаётся отговорить кого-то от убийства, очень радуюсь.

...Через несколько часов Валя уже сидела в поезде,двигающемся к её городу. Она не знала, что её там ждёт, но твёрдо была уверена в одном – ребёнок будет.

Всыпав овсяные хлопья в кипящую воду, Кира потянулась за ложкой, но бросила взгляд на смартфон, где висела непрочитанная смс-ка. Присела на табурет, чтобы прочесть её.

«Дорогая Кира, привет! Позавчера я родила мальчика, 3400, рост 52. Назвали Мишей. Когда приехала, вдруг позвонил Костя. Сказала ему о ребёнке, он обрадовался, представляешь? Оказывается, когда он исчез, потерял телефон, а потом попал в госпиталь. Как только его выписали, искал меня, даже к нам домой приходил, но мать моя его выпроводила. После приезда я пожила два дня у подруги, а потом Костина мама, тётя Таня, забрала меня к себе в село. Она простая и очень добрая. У них хозяйство, я ей всю дорогу помогала, пока живот позволял. Костя вернулся из армии, когда я была уже на седьмом месяце, мы зарегистрировались. И как же я тебе благодарна за то, что ты тогда рассказала мне свою историю...»

Мирослав Бакулин

Анна

На Богословских курсах по субботам царило всеобщее благодушие. Вот уже десять лет старенький преподаватель разбирал подробно Священное Писание. Он знал греческий и латынь, был начитан святых отцов, поэтому разбор был до буковки. Сначала молились, потом беседовали, а уж после пили чай с душевными разговорами о жизни, чтобы потом пойти на вечернюю службу.

Все как-то привыкли к этому делу, тем более что постоянно приходили на курсы священники, совершали молебны, отвечали на вопросы курсантов. На курсы приходило человек пятьдесят, от студентов до бабушек. Была среди них и молодая женщина Анна, очень красивая, мать двоих прекрасных дочек. У мужа ее, Николая, недавно умерла мама, и он впал в вялую депрессию. Мама жила с ними в одном доме и помогала им, как могла. И вот ее не стало – квартиру сдали внаем, и Николай как-то совсем отказался работать. Он считал, что рента за квартиру мамы заменяет его зарплату. Он лежал на диване, смотрел телевизор, пил пиво, играл в компьютерные игры и толстел.

Анна сделала несколько попыток поднять его с дивана, но все ее словесные домкраты не работали – Николай с дивана сходить не хотел. Через некоторое время Анна стала краситься, сделала новую прическу.

Это как-то сразу заметил Василий Васильевич, старичок-профессор с Богословских курсов, и решительно подошел к Анне:

– Что случилось?

Анна сделала недоуменное лицо:

– А что случилось?

– Вы решили изменить мужу?

– С чего Вы взяли?

– Это видно невооруженным глазом. Вы переменили свой внешний вид, и это кому-то предназначается.

Анна покраснела и стала жаловаться на мужа, на его образ жизни и внешний вид, потом сказала, что на работе ей нравится один мужчина и что она хотела бы каких-то перемен в жизни.

– Слушайте, у Вас же двое детей, у Вас есть муж. Как можно думать еще о чем-то? Дал вам Господь крест, так несите его. И как сказано: «Претерпевший же до конца спасется» (Мк.

13, 13). И потом, этот мужчина вряд ли захочет на Вас жениться – ему двое чужих дочерей, конечно, не нужны. Получится только блуд – и ничего хорошего.

Анне стало ужасно стыдно, что ее внутренние пожелания были написаны у нее на лице и видны даже

постороннему. Она думала пару недель, а потом отказалась от своих планов что-то менять. Смыла макияж, стала одеваться скромнее. А через полгода она забеременела от мужа.

Она пришла со слезами к Василию Васильевичу:

– Никто не хочет этого ребенка. Муж говорит: «Я такой толстый – от меня теперь не может быть детей». Словно с ума сошел. Я ему говорю: «А от кого тогда этот ребенок?» Он говорит: «Мы троих детей не потянем – я не работаю, ренты и твоей зарплаты не хватит. Тем более, полтора года будешь в декретном отпуске. Подумай сама. Мне кажется, нужно делать аборт».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.